

Анатолий АВРУТИН

«ПТИЦА РУССКОГО СЛОВА...»

Неужели нам вновь пригнаться завещано,
Вспомнив строки, что в память вошли навсегда:
«А ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?..»
Ну а дальше по тексту, совсем, как тогда...

Неужели же снова дороженька узкая
Приведёт к полотну посреди суеты,
Чтоб шептать: «По бокам-то всё косточки русские...»
Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь, когда перелеском, пригорками
С автоматом зимою пойдёшь сквозь снега?
А «Катюшу» ты слышал?.. А слышал про Тёркина?
А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

Пожалею тебя – не спрошу про Русланову,
И какие тут «Валенки»? Валенки нет!
Вам придётся всё это осваивать заново,
Только вот не пришлют вам из тыла кисет.

Вновь оставит снаряд в колоколенке трещину,
Вновь обрушится небо, живое губя...
Это, Ванечка, Русь... И какая-то женщина
Всё равно, глядя вслед, перекрестит тебя.

РУССКОЕ СЛОВО

1

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких – и в блузках, и без...

Всё блуждает в том, полудетском
Восприятьи... Что Бог триедин,
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!» ... И поймут...

2

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
Всех чёрных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу...
Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил: огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятым
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

Наступает такая пора –
Золотая пора листопада.
Кроме спички и кроме пера
Ничего-то мне больше не надо.

Спичкой нервною чиркну в ночи,
Подожгу эти нищие стены...
Про пожар – не звони, не кричи,
В нём все фразы, что не сокровенны.
Всё, что лгало в красоты строк,
Все наброски в набухшей тетради,
Всё, что прежде не смял и не сжёл,
Что явились напрасности ради...

Пусть огонь шуганёт в облака,
Выше мрака, обмана превыше.
Пусть останется только строка,
Да перо ещё строчку припишет.
Если выживут, значит судьба...
Выжить – больше, чем смертная кара.
И торчат, как печная труба –
Там... На огнище... После пожара.

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта, в боль струящаяся, даль...
Всё пройдет... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, и дальше напрямки.
Всё пройдёт... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Неприменно станет синей ранью

То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез.
И кого-то снова не заметят,
Что прошёл... И в сумерках исчез.

Увидеть свет в конце тоннеля,
Когда растаявшая мгла
Вдруг ворочит и звон капли,
И свет из дальнего угла.
Польётся – прежде осторожно! –
На стол, на тумбочку, на срез,
Где кольца всё ещё тревожны,
Где запах смолы не исчез.

Увидеть свет в конце тоннеля...
И вздрогнуть – наконец-то свет!
Понять, что стёкла запотели,
Что звук дыханием согрет.
Что, отделяясь осторожно
От бесконечной темноты,
Другой явился свет – тревожный,
А с ним и тень твоя... И ты...

Увидеть свет в конце тоннеля,
Воспрянуть – кончился тоннель.
Увидеть чёрное на бели
И белое на чёрном... Щель
Замазать густо... Взять собаку,
Бродить, не чувствуя того,
Что мы опять летим ко мраку,
Летим, не помня ничего.

Быстроглазая боль не прощала грехи,
Уносила крылом в золотистую млечность.
И сомнения капали с мокрой стрехи,
И цеплялись мозолями за бесконечность.

Было всё бесконечно – и выдох, и тишь,
И к морозным губам прикипевшая влага,
И вдали – бесконечная выгнутость крыш,
И вблизи – бесконечная утренность шага.

Было что-то тревожное в этих шагах,
В неразлучности, что предвещала разлуку.
Воздух поздней любовью причудливо пах,
И перчатка не грела озябшую руку.

Было что-то напрасное в близкой дали,
В том, как чёрные ветви причудливо гнутся.
И какие-то тени растерянно шли,
Чтобы с тенью моею на миг разминуться.

И казалось – всё кончится там, за углом,
Где давно, среди шума, счастливо молчалось.
Две руки, два дыхания плыли вдвоём,
И дыхание с выдоха вновь начиналось.

Один алкаш... Второй – беспутен,
Но не Рубцов он, не Распутин,
А так – форсистая шпана.
Рыгнут... Рыгнутся... И уходят...
Да вот душа не колобродит,
И строчка истиной бедна.

О, сколько было этих выжиг –
Помятых, рыжих и не рыжих,
Но завсегдатаев канав...
Их похмелив, спешили снова
Твердить про нового Рубцова,
Не за стихи, увы, – за нрав...

Что слово им?.. Гуляли, пили,
Беспечно в землю уходили,
Оставив тощенький блокнот
С размытым следом от стакана...
Их извлекали из тумана
И миру говорили: «Вот!

Глядите! Он пророк, он гений!
Не Евтушенко, не Евгений,
Который в гении спешит,
На ложь заказов не скрывая...
А здесь – живое, стать живая!
Поэт!.. В нём русское кипит!..»

Пусть автор глух к посмертной славе,
Но что-то булькало в канаве,
Где новый дозревал пророк.
Ещё неведомый планете,
Он нёс цветы подружке Свете...
Но не донёс... Вздремнуть прилёг...

Не стыдно им? И мне не стыдно!
Мне лишь за русское обидно,
За тех, чей не буянен нрав,
Кто без лукавства, без канавы,
Уходит в небо мимо славы,
Листки с прозреньями скомкав.

ДАТЫ

10 февраля 1837 года умер А. Пушкин

10 февраля 1890 года родился Б. Пастернак

Смерть Пушкина... Родился Пастернак –
Есть в совпаденье дат большая тайна.
Что ни скажи, а это не случайно,
И в этой тайне зрится божий знак.

И Тютчев, русской музы дворянин,
Упрямый сын магического слова,
И Лермонтов – один мудрей другого,
Ушли в июле.... В знойный день один.

А в ноябре напомним стынь и мрак,
Что Блок родился в день рожденья Цвейга...
Лишь год спустя... Присядь... Чайку налей-ка,
Подумав, что и в этом – божий знак.

А в мае, неподвластное уму,
Тебя заставит удивиться снова:
Чайковский с Брамсом умерли седьмого...
Совпали числа... Как и почему?...

Судьба – судьбою... Каждому своё.
Ошибка... Рок... Невыпавшая карта...
Ахматова ушла в день пятый марта,
И Сталин, что не жаловал её...

Их души вознеслись под Зодиак...
Мгновенен миг, а жизнь еще мгновенней!
Уходит гений... И родится гений...
Родится ли?... Вот в этом – божий знак...

Вновь золу разносит по земле,
Вместе с нею – терпкий запах гари.
Но не говорите о золе,
Говорите лучше о пожаре.

Пусть золой проулочек пропах,
Где на плач сменяется молчанье.
Но не говорите о слезах,
Говорите лучше о рыданье.

Хоть тонка связующая нить
И оборвались иные нити,
О словах не надо говорить,
Вы о песне лучше говорите.

А когда на меркнувшей заре
В подреберье боль ударит снова,
Зашипит слезиночка в золе,
Принесёт немолвленное слово.

Лампа коптит... Тень из угла...
Мамина ласка....
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от неё сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка... А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поёт... С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио... Там
Русская песня.

Чуть подпоёшь... Выпьешь вина ...
Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? – Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдёт...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтёт
Русскую сказку...

Куда ни приедешь –
повсюду «великие» люди –
Повстанцы... Поэты... Легенды Отчизны своей.
Везде повторяют:
«Мы их никогда не забудем...
Они не смирились... И рушили гнёт москалей...»
Глупцы-московиты...
Вы знанья несли, как Мессии,
Спасали от варваров сущность славянских племён...
Спасали Шевченко...
А он ненавидел Россию...
И против России Мицкевич собирал легион¹.
Ученый-историк вам разве что скажет на ушко,
До этого молвив:
«Костюшко – герой, генерал...», –
Что улица в Питере носит название Костюшко,
Наверно, за то, что он русских, где мог, убивал...
Прикрыла Московия

¹ Во время Крымской войны (1853–1856) будущий классик польской литературы Адам Мицкевич пытался сформировать отдельный еврейский легион, который должен был воевать против России на стороне Турции. Акция провалилась, поэт скончался от холеры в Константинополе в 1855 г.

белым крылом исполинским
Славян от монголов, французов, едва не сгорев.
«Прощание с Родиной»... Михал-Клеофас Огинский...
Великая музыка...
«Польска не згине, пся крив!..»
Брожу по Москве...
Наблюдаю... Твержу без укору:
«Неужто, столица,
тебе и теперь невтерпёж
Собратьев спасать от беды в эту смутную пору,
Встречая лопатками
братьями всажённый нож?..»

Снег летит, залепливая лица –
В позднем марте липкие снега.
На Руси метелица кружится,
Над Литвой и Польшею – пурга.

Запуржило всё... Присыпав крыши,
Чутьочку прикрыв неверный лёд,
Русская метель всё тише, тише
Сквозь пургу нерусскую метёт.

Я позабыл этот снежный взгляд,
Ночь, огоньки, пургу.
Я никогда не глядел назад
И не кивал врагу.

Я никогда не шагал сквозь боль,
Плетку спиной ища.
Рыцарь – не рыцарь... Кинжал? Изволь...
В джинсах и без плаща.

Я никогда... Но зачем теперь
Клясться, когда твой взгляд
В спину нацелен?.. И верь не верь –
Я не гляжу назад.

Я... Ну, послушай... Но сколько «я»
Можно твердить ещё?
Тайна, иную тайну тая,
Прячется под плащом.

Правде не верю... И в свой черёд,
Волчий потупив взгляд,
Если ты люто пошла вперёд,
Я оглянусь назад...

Позовите меня –
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу –
пусть содвинут стаканы,
портвейном желудка черня.
И пойдёт разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
неустроенность быта
и вечный мирской уют...
Будет вечер пустой
мировой пустотой увенчан,
мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...
И, отспорив своё,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь –
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
«Уходи подобру-поздорову...»
Опрокинет бутылку:
«Уходи поскорей, уходи...»
Покачнётся и вновь
глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
на крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвёрдой походкой
пойдёшь вдоль оврага,
пойдёшь...

А вокруг – никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
подбежит на минутку,
глазами проводит: «Иди...»
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

В напрасном мире полусонном
Всё чудится, что вижу я,
Как над стремительным вагоном
Восходит звёздная струя.

Чуть извивается... Искряще
Насквозь пронзает облака.
И крестит лоб ненастоящий
Ненастоящая рука...

Мне это чудится... Но светом
Едва колеблема в ночи,
Нисходит тень... Зачем об этом?..
Зачем об этом?.. Помолчи...

Ведь жизнь устроена зеркально –
То, что бесценно, то тщета...
Печален я ... И ты печальна...
И между нами пустота.

Проходит всё... Сотрутся лица.
Но ослепит ночной порой
Тот свет, что истово дробится
В твоей слезинке золотой.

Всё бrenно и всё мгновенно,
Нам вечности не продлят.
Из вечного – взгляд и пена,
Но всё-таки лучше взгляд.

Он чьей-то души осколок,
Взгляд, брошенный из-под век.
Пусть злобен и пусть недолог,
Он глаз твоих не избег.

Взглянувший, с походкой лисьей,
К чужому несчастью – слеп.
Из брэнного – хлеб да листья,
Но всё-таки лучше хлеб.

Пусть корочкой смехотворной,
Пусть крошками, пусть трухой.
От чёрного горя – чёрный,
От ржавой муки – сухой.

В кармане потёртой свитки
Нашарить его успеть...
Из сущего – смерть и пытка,
Но всё-таки лучше смерть.

И пусть золотые зори
На брызги дробит роса.
Memento... Memento mori...
И звёздная пыль в глаза.

Ещё снежок скрипит на улице,
И Тузик трётся возле ног.
Ещё мы умники и умницы,
И завтра снова на урок.

Ещё домашнее задание
Без мамы выполнить слабо –
В тетрадке по чистописанию
С нажимом две страницы «О»...

И маме плачется от этого:
«Послал же Бог ученика...»
И ей совсем не «фиолетово»,
Как фиолетится строка.

Ещё ношу «невывливаечку»
В мешочке красном на урок,
А кляксы всюду – и на маечке,
И на носу, и между строк...

Как всё промчалось... Время каяться,
Что жил не так, неверно жил...
Но всё с ладони не смывается
Та фиолетовость чернил.

Посреди весны
Мне всё снятся сны,
Посреди весенней метели –
Что мои сыны,
От любви пьяны,
Поперёк судьбы полетели.

Я шепнуть лишь мог:
Детки, я не Бог,
Не нужны вам мои советы.
Пусть волна у ног,
Пусть потом в острог,
Вы любовью навек согреты...

Это вам – лететь...
Ну а мне – не петь,
Слух замкнуть, слова забывая...
Понимать, что впредь
Даже золото – медь,
Что судьба мне дана такая...

А когда потом
Воротитесь в дом,
С дерзких крыл синеву стряхнёте,
Будет дом – вверх дном,
Напою вином,
Мне расскажете о полёте!

Бросит мне юнец:
Ты был прав, отец:
Ты не Бог и мы все – не Боги.
Но ты швец и жнец,
На дуде игрец...
Вспоминали тебя в остроге...

Вспоминали, да!..
И когда беда
Нам тугие крыла ломала,
А ещё когда
Тонкой кромкой льда
В половодье любовь пропала.

Что, отец, молчишь?
Только Бога зришь,
Ты – как памятник добрым людям.
Но, когда взлетишь
В заревую тишь,
Мы рыдать о тебе не будем.

Будем ладить дом,
Будет в доме том
Твой портретик – в углу, средь хлама.
И его потом
Бросим в водоём,
Где ныряли и ты, и мама.

Будут наши лбы
От ума рябы,
В переулке споткнётся слово.
Не плывут гробы
Поперёк судьбы –
Им судьба не простит такого.

Там, на изломе крика и любви,
А может быть, и жизни на изломе,
Меня своим ты больше не зови –
Тобою полон дом... И пусто в доме...

Тебе одной, печальнице моей,
До сей поры всё так же непонятно,
Чей это плач – в ночи, из-за дверей?..
Что за слова бормочутся невнятно?

Всё знает ночь... Одна сплошная ночь,
Что ослепила дух на две недели.
Которую не в силах превозмочь
Ни свет зари... Ни белый свет метели.

Она явилась, плечи мне вдавив
В пуховую раздумчивость подушки.
И сердце застучало – на разрыв,
И заструились медленные стружки...

Всё, как всегда – не бойся, не проси...
Но гложет чувство, зло и неминуче –
Чтоб вознестись туда, на небеси,
Вначале упади, сорвавшись с кручи.

Высокая полночь... Ни вскрика, ни тела.
Мы будто у бездны на самом краю.
Ты просто молчанья от бездны хотела,
А я по касанью тебя узнаю.

Мы нежным касанием бездну остудим,
Спугнём над обрывом непуганых птиц.
Былое припомним... Себя позабудем,
И небо наколем на трепет ресниц...

Прощаясь, обнимемся дважды и трижды,
А больше не нужно, всё лишнее – ложь.
И в бездну безвольную не полетишь ты,
А звёздно и радостно в небо вспорхнёшь.

Тяжёлые камни с обрыва сорвутся,
Дробясь на песчинки у бездны на дне.
Я буду к тебе в поднебесье тянуться,
А ты – с поднебесья – тянуться ко мне.

И весь без остатка, до донышка, весь я
В той шири, где ты укротишь небеса...
И будет о бездне рыдать поднебесье,
А в чёрную бездну – стекать небеса...

Долго птицы дрались и кричали...
А теперь и в золе, и в крови
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви.

На подкрылках заря золотится...
Все равно, выбиваясь из сил,
С голубиными крыльями птица
Ястребиных чурается крыл.

Разлетятся, простившись едва ли,
Разлетятся, зови не зови,
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви.

И останется очень немного –
Полутень, полужизнь, полумгла,
Голубиная эта тревога,
Ястребиная хищность крыла.

А душа?.. Душу будто изъяли.
Только меркнувшим взором лови
Голубиные крылья печали,
Ястребиные крылья любви...